

Л.Борисова, Я.Дзыга.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕТРОСПЕКЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (“ПУТИ НЕБЕСНЫЕ” И.ШМЕЛЕВА И “ИСТОКИ” М.АЛДАНОВА)

“Пути небесные” Шмелев считал своей главной книгой. Работа над этим романом с перерывами продолжалась с 30-х годов до самой смерти писателя в 1950 г. Оставшийся незаконченным второй том “Путей небесных” был опубликован в конце 40-х, тогда же появились и “Истоки” Алданова. Эти произведения объединяет время действия (60-80-е годы 19 века), тема (судьба русской интеллигенции) и мотивы, по которым авторское внимание оказывается прикованным ко “второму этапу революционного движения”. Писатели доискиваются первопричин национальной трагедии и именно здесь находят ее “истоки”.

По Алданову, все дело в политическом выборе, который за полвека до октябрьского переворота был сделан Россией, в роковой разобщенности царя и интеллигенции – объединившись, они могли бы противостоять революционному террору. Историческую ошибку Александра II писатель видит в его отношении к интеллигенции: царь “не то чтобы ненавидел” ее, но испытывал к ней “наследственное, профессиональное, смешанное с нерасположением и с иронией недоверие” (И, 509).

Обращение И.Шмелева к “делам давно минувших дней” может показаться неожиданным. В его изображении этот бурный период русской истории, во многом определивший весь ее дальнейший ход, выглядит ничем не примечательным, едва ли не безвременьем. Иначе описывает это время Алданов: польское восстание, война с турками, Липецкий съезд народолюбцев, Берлинский конгресс, 1 марта 1883 года. Среди героев Алданова Маркс и Бакунин, Вагнер и Лист, Александр II, Вильгельм I, Бисмарк, Перовская и Желябов, Достоевский, а в одной из заключительных глав даже Ульянов-Ленин, правда, совсем еще юный, гимназист. Алданову и вымышленным героям удается придать вид исторических лиц: о Чернякове, к примеру, известно, что он активный сотрудник “Вестника Европы”.

Атмосфера “Истоков” – это слухи о готовящейся конституции, тайные собрания, конспиративные квартиры, взрывы, подкупы. У Шмелева террористы взрывают бомбы в другом романе, “Солдаты”, где время неуклонно приближается к революции, но в “Путях небесных” он пишет о разрушении другого рода, нравственном. Писатель переносит вопрос о нигилизме из области социально-политической в личную. Герои Шмелева не занимают революционной деятельностью, раскрываются главным образом в бытовой обстановке, где новомодные теории (“Нет ни Бога, ни дьявола, ни добра, ни зла, а только “свободная игра явлений”) обнаруживают свою неприглядность быстрее и явственней, чем в общественной жизни. Теория обернулась для Вейденгаммера крахом семейной жизни и полным духовным опустошением. Выход из кризиса открывается ему вместе с картиной “раскрывшегося неба”, с мыслью о “Тайне”.

В событиях последней трети 19 века Алданов интересуется прежде всего политическая интрига - дипломатические тонкости подготовки мирного договора между Россией и Турцией, борьба сил в царском окружении в связи с конституцией и т.д. Когда о той же русско-турецкой войне упоминает Шмелев, главным оказывается “судьба человеческая, судьба народная”. Герои Алданова спорят о том, отойдет ли к России Алакшергская долина, а шмелевская Даринька видит истерзанных турками славян и по-христиански жалеет их, “православных”, “горевых”, “мучеников”.

Для Шмелева 60-80 годы 19 века знаменательны прежде всего массовым распространением атеизма. Безбожие, как он убедился на собственном опыте, - первопричина всех преступлений революции и гражданской войны. Картины пореволюционной России в цикле “На пенях”, рассказе “Про одну старуху”, эпосе “Солнце мертвых”, романе “Няня из Москвы” - подтверждение слов Достоевского: “Где нет Бога – там будет Зверь”. Шмелев продолжает: если Бога нет - “Тогда – грязня... А к каждому надо приставить городского”ⁱ.

Для характеристики описываемого времени Шмелев выбирает такие приметы, которых нет у Алданова. Среди немногих исторических лиц, которых упоминаются в “Путях небесных”, - Амвросий Оптинский, среди немногих реальных фактов – чтения Владимира Соловьева о богочеловечестве. Можно себе представить, сколь извилист и непрост должен быть путь вчерашнего нигилиста, если он простирался от Владимира Соловьева до Оптиной Пустыни! В романе этот путь обозначен пунктирно, подробно описан только поворотный момент в умонастроениях героя. Учение Соловьева, на первый взгляд, плохо вписывается в патриархальный мир Шмелева, но в “Путях небесных” писатель в этом случае верен исторической правде: именно Соловьев дал толчок духовным исканиям интеллигенции. “В наше время точного знания публично ставить вопрос о Боге!” - восхищается Вейденгаммер, а наблюдая духовный рост Дариньки, думает: вот оно, “женственное начало в творческом”.

Со вступлением России в пору революций отечественная философия не раз пыталась противостоять идеям насилия. Это стремление отличало, например, авторов сборника “Вехи”. В эмиграции русская мысль еще больше укрепилась на религиозных позициях, размежевавшись с идеями либерализма. “Первое и основное, чем отличается государство XX века, - это сознательный, планомерный и последовательный отрыв его от тех духовных корней, которыми оно доселе держалось и питалось: от религии, от нравственности и от национально-патриотического чувства”ⁱⁱ, - писал И.А.Ильин. Революция, утверждал он, есть следствие этого отрыва, “есть развитие безбожных страстей”, основной соблазн ее – “свобода от Бога”ⁱⁱⁱ.

Сторонниками либерализма “узкий путь” обычно расценивался как слишком узкий. Мамонтов в “Истоках” прямо заявляет, что “никакой Бог ему не нужен... А уж если нужна вера, то легкая, нетребовательная, греческая...” (И, 422) Одна из главных черт алдановских героев, которая прежде всего бросается в глаза, – та, что “они не проходят путь нравственного или религиозного искательства”^{iv}, в лучшем случае считают, что религия “полезна народу” но “твердая власть при хорошей полиции могла бы заменить религию” (И, 480). О “последних вопросах” здесь совсем не думают и даже в мир иной отходят, не изменив убеждению, что “после” только “лопух вырастет”. Герой Шмелева тоже долгое время верит лишь в “лопух” и, оказавшись на грани самоубийства, шепчет: “Потом ничего не будет”. Но у Шмелева это не конец, а самое начало духовных исканий “шестидесятника”. Точка света в ночном небе пробуждает у него сознание: здесь “конец человеческого, предел”.

Алдановскому Дюмлеру во время его смертельной болезни если и приходят мысли о вечности, то особенно нелепые, например: а есть ли “там” адресный стол? Убежденный консерватор, Дюмлер, читая Тургенева, “соглашался с Базаровым почти во всем, кроме тона и политических идей” (И, 109). “Правда, - добавляет автор, - это было очень большое “кроме”. Но если взглянуть на проблему с той точки зрения, которая утверждается в “Путях небесных”, разница между министром-нигилистом и нигилистом-революционером не покажется столь значительной. Шмелев в

этом случае продолжает традиции Достоевского и Толстого, уходит от узко-исторического понимания нигилизма, обнаруживает в этом явлении жизненную философию, по которой испокон веков живет свет. При таком подходе сглаживается разница между старыми (развратник-барон, сводня тетя Паня – персонажи в духе Достоевского) и новыми типами (развязная стриженная акушерка с “пахитоской”, венгерка-“жоржзандочка”, вскружившая Виктору Алексеевичу голову в Петербурге). Для Шмелева и те и другие просто бесноватые. Барон не только Дариньке привиделся в образе дьявола – “синий, скалится, вывалив язык”, но и в самом деле выглядел так, когда его нашли повесившимся на косяке в зимнем саду.

Однако и в такое атеистическое время, каким была последняя треть 19 века, не только Шмелев, но и Алданов находит в России искренне верующих в Бога людей. Правда, всего двух - Александра II и Достоевского. Первому, “как и всем его предкам ... никогда и в голову не приходило усомниться в том, что они помазанники Божьи” (И, 509). И, хотя к описываемому времени “твердой веры” царь “больше не проверить”, в наиболее ответственные минуты, когда речь шла о судьбе страны, он вспоминал потрясение его когда-то слова присяги, произнесенной перед аналоем, и мысленно обращался к Богу. В момент, когда он окончательно решил на конституцию, Александр подумал: “Может быть, и вправду именно сейчас послана с неба премудрость?...” (И, 456). Как и большинство героев романа, царь у Алданова написан с симпатией и одновременно с большой долей иронии – добрый, но неглубокий человек, а потому и вера его выглядит легкой, нетребовательной. Почти о такой мечтает Мамонтов.

Вера Достоевского другая, совсем не греческая. Автор “Бесов” предсказывает в романе: “Будет в России революция – и какая страшная”, “все достанется Антихристу”. “... Уж я не знаю, кто он был, - вспоминает о своем посещении Достоевского Черняков. - Я никогда ничего такого в своей жизни не видел и не слышал!” “Страшное”, “измученное”, “восковое”, “совершенно белое” лицо, лицо каторжника, гипнотизера - на литературных вечерах курсистки лишались сознания, когда он читал пушкинского “Пророка”, и сам, как пророк, Иеремия, - таков Достоевский в “Истоках”. Он пугает Чернякова, когда “спокойно, ласково, почти задушевно” желает ему пойти на каторгу, чтобы обрести Христа.^v

Такие же смертельно бледные, страшные лица в романе у народовольцев после взрывов на Московско-Курской железной дороге, на Екатерининском канале.^{vi} В мученичестве и самоотверженности с Достоевским у Алданова могут сравниться только революционеры. При этом всех “верующих” у него объединяет одна черта - безжизненность. “На Достоевском нет Божьей благодати, так как жизнь за нелюбовь к ней мстит писателю лишением поэзии” (И, 421), - рассуждает Мамонтов. На вечеринке по случаю окончанию подкопа Михайлову кажется, будто “за столом сидят и стараются шутить восемь мертвецов” (И, 259). Другой герой уверен, что у Маркса “никогда не было никаких страстей, кроме умственных” (И, 393). Народовольцы такого же мнения о Михайлове. Жизнь, которой живут террористы, прежде всего ненормальна, неестественна - “хорошо в их работе не мог себя чувствовать никто”. “Если б еще несколько дней ждать, они все походили бы с ума...” – думает Михайлов, глядя на Перовскую. А о самом Михайлове автор пишет: “... сны ему снились редко. Но, быть может, как человек, он просыпался именно во сне” (И, 255).

Революционную деятельность все эти люди, по Алданову, выбирают не в силу идейных пристрастий, а по неосознанно-личным мотивам и вследствие некой психофизической предрасположенности к риску, к лидерству. “Люди тройного сальто-мортале”, как их называет писатель, могут проявить себя на любом поприще. Желябов был бы первым “три дворе, в Ватикане, в Конвенте, в раю, в аду...” (304) А Михайлову нетрудно представить себя на месте шефа полиции. От выбора этих исключительных людей, “соли земли”, непосредственно зависит развитие истории, а их выбор не имеет ничего общего не только с разумом истории, но и с обычным человеческим разумом. У Александра мысль о конституции связывается с мечтой о женитбе на княжне Долгорукой, хотя, как подчеркивает писатель, посторонний ум не усмотрел бы тут никакой логики. А Перовская торопится с убийством царя, потому что хочет умереть вместе с Желябовым. Из всего этого Алданов делает вывод: “Исторический процесс есть процесс случайный” (И, 21).

Вера Шмелева в “Источнике сил, из Которого истекает Все” (ПН, 422), противостоит историческому пессимизму Алданова. В “Путьх небесных” всё спорит с такой философией истории, здесь нет случайностей, даже “благих”. “Не случай, а Божие произволение... - поправляет Вейденгаммера матушка Агния. - А случай - и слово-то неподходящее...” (ПН, 296) Случайности оборачиваются приметами, знаменами, “знаками”, “указаниями”, “явлениями”, вещими снами, более того – чудом.^{vii} (Показательны названия глав шмелевского романа: “Знак”, “Знамение”, “Крестный сон”, “Знаменательная встреча”, “Явление”, “Чудесное”). “Случилось – чудо. Маленькие глаза увидят в этом “случайность”, “смешное” даже... Но... сотни раз заирал Карп ворота, а этого не случилось (разрядка в цитатах везде авторская – Л.Б., Я.Д.). А тут – случилось. Для Дареньки это было “вразумлением” (ПН, 433).

Обуреваемым земными страстями, героям не сразу открывается истинный смысл событий. Отсюда у Шмелева постоянные противопоставления - “тогда и “теперь”. “Много спустя ... он прознал в этом “некую благостно направляющую Руку”. Но в то раннее мартовское утро, на Страстной площади, случившееся представилось ему только забавным приключением (ПН, 291); “Теперь это мне ясно...” (ПН, 296); “Виктору Алексеевичу только впоследствии открылось, что это было роковое...” ; “Уже прозревший, много лет спустя, прознал он в этом утре “утро жизни”...; “Много лет спустя старец Амвросий Оптинский открыл ему глаза на тайну...” (ПН, 304); “После мне все разобрали, и все уложилось в план” (ПН, 380); “Думал ли я тогда, ... что судьба наша уже начертывалась “Рукой ведущей”? А мы и не примечали, *спали*” (ПН, 359); “Много спустя, определилось *все*, и стало понятно нам” (ПН, 446); “Он это знал, но не сознавал. Сознал он после” (ПН, 452); “Я и не подозревал, что мой “узор” тоже уже начертан... Теперь я знаю, что это была – веха...” (ПН, 461).

Только в редкие минуты приоткрывается участникам событий “сокровенная тайна бытия”, и тогда настоящее представляется им “непреложно-нужным, осмысленным и живым, в свято-премудром Плане” (ПН, 297). Даже в том случае, когда герои не могут найти объяснения происходящему с ними, они интуитивно чувствуют: “так нужно”, “для чего-то нужно”, потом, когда “времени уже не будет”, все откроется. Мысль о “Планомерности” жизни, о “чудеснейших чертежах”, по которым творится жизнь, и о тех *силах*, которые врываются в эти “чертежи” или попускаются, чтобы их – для чего-то – изменить” (ПН, 444), становится началом духовного прозрения героя.

“Особенность этого произведения, - пишет о “Путьх небесных” Е.Охотина-Маевская, - в толковании жизни, всех ее явлений и проявлений... Это духовный подход к жизни: убеждение, что Господь не только Творец и Искупитель, но и Промыслитель; что все в жизни каждого человека не случайно, а направлено Господом ко спасению, что жизнь – это постоянная борьба за душу, за спасение ее”.^{viii} Но эту особенность романа далеко не всегда понимали критики.

“Шмелев строит духовный мир, как бы подводя какую-то³ духовную “базу” под бытовые нагромождения”, - считал, например, Г.Адамович.^{ix}

От жестокостей истории герои Алданова ищут спасения в личной жизни, как Мамонтов, или в профессиональных занятиях, как Муравьев. И в жизни, и в искусстве для Мамонтова вдруг особенно важным оказывается уют (“... роль уютности в литературе еще ведь не оценена критиками” – И, 421). Он поселяется в деревне и начинает оборудовать свое имение для “трудоу и чистых нег”. Но о том же мечтают (“... у нас будут лошади, цветы, сад...”), точно так же поступают и герои Шмелева. Более того, если Алданов описывает начало новой жизни с легким юмором, то у Шмелева в этом случае появляется не свойственная ему ранее тенденциозность. Во втором томе “Путей небесных” Ютово, переименованное Даринькой в Уютово, описывается как рай земной, где всякое несовершенство преобразуется в добродетель. Одна из заключительных глав романа так и называется: “Земной рай”. Однако все эти нарушения художественности объясняются не только тем, что писателю изменяет чувство меры^x, что он поддается иллюзиям.^{xi} В них находит выход и стремление Шмелева к новой эстетике, его желание “обожить” литературу, влияние на него житийного жанра.

Несмотря на некоторое внешнее подобие, мотив “исхода” несет в себе у Шмелева и Алданова разное содержание. “У каждого из нас настанет момент, когда остается уйти в себя, в *свое*, чаще именно в свою семью... Настоящее *свое* невелико. Для меня теперь это только Катя...” (И, 523), - думает Мамонтов. В новой деревенской обстановке воспоминания о народовольцах показались ему пустяками, зато всерьез расстроила царпина на письменном столе. Иначе воспринимают мир герои Шмелева. Не случайно в сцене ночных блужданий героя писатель акцентирует внимание на безлюдности спящего города (“он пошел пустынными переулками”, “ни единой души не попадалось”). В момент жгучих душевных мук Виктор Алексеевич неожиданно для себя обрадовался оклику извозчика - услышал “покорно благодарим”, и его “будто теплом обвеяло”. Он почувствовал, что пустота в его жизни наконец заполняется, только когда “забыл о своем”: “... сердце мое расплавилось, и загорелось во мне желание утешить, спасти это юное существо, которому что-то угрожало” (ПН, 288). Завота о другом человеке оказалась спасительной и для самого Вейденгаммера, он нашел утешение там, где не искал: в общении с человеком. А когда расстался с Даринькой, проводив ее до ворот монастыря, к нему опять вернулась его тоска. Героев Шмелева объединяет соборное чувство “слиянности со всем”. По этому поводу И.Есаулов замечает: “Опора на Другого вообще, может быть, наиболее характерная особенность шмелевского видения мира”.^{xii} В “Путях небесных” этот принцип с наибольшей силой утверждается как раз в ютовских сценах.

Шмелев противопоставляет нигилизму соборное, Алданов – общечеловеческое, а точнее, сугубо личное начало, на каком бы уровне оно не проявлялось. А в этом плане Желябов, красивый, удачливый, любимец женщин, подчеркнута похож на Александра II, тревога Перовской за “Тараса” ничем не отличается от переживаний княжны Долгорукой, и даже заиканье может сплотить людей - между Михайловым и Машей Муравьевой мгновенно возникло взаимопонимание, “сказалось масонство связанных общим несчастьем людей” (295). Альтернатива всякой идеологии в романе - любовь к радостям и удобствам жизни, свобода и естественность во всех проявлениях личности, поэтому Мамонтов у Алданова так любит “ясновидца плоти” Толстого.

Герой в этом случае разделяет литературные пристрастия автора. На влияние Толстого в романе в свое время указывал М.Карпович.¹³ А.Бахрах приводил отзыв Бунина об “Истоках”: “Под характеристикой Александра II не отказался бы поставить свою подпись сам “Лев Николаевич”!”¹⁴ Однако Алданов избирательно относится к наследию великого предшественника, следует толстовской традиции главным образом в области словесной живописи и в изображении пограничных состояний психики (лучшими в своем романе он считал две сцены: операцию и смерть Дюллера и царевубийство), но остается равнодушным к его духовным исканиям. Ту нравственно безотчетную, руководимую лишь инстинктом жизнь, которую Алданов считает настоящей, Толстой называет “сном жизни”. И мнение автора “Анны Карениной” полностью разделяет Шмелев.

У Шмелева, как и у Толстого, эта “естественная” жизнь чревата постоянными “обвалами душевными”, поскольку основу ее составляет тот же нигилизм. Для того, чтобы началась новая, настоящая жизнь, человек должен перемениться. Историю такой перемены и пишут Толстой в “Воскресении”, Шмелев в “Путях небесных”. В “Истоках” же реальная судьба Льва Тихомирова ставит автора в тупик: теоретик царевубийства на панихиде по Александру Второму! Ничем, кроме причудливости русского национального характера, писатель не может объяснить эту метаморфозу, Тихомиров так и остается для него “человеком-шарадой”. Между тем в своих воспоминаниях (вряд ли они были неизвестны Алданову) революционер-монархист сам объяснил свое “обращение”: “... более всего поразила меня смерть государя... Почему удался этот заговор, самый нелепый из всех?... Дело не в нашем человеческом суде... Но рука чего-то высшего видна была тут слишком ярко. Толстой не допускает возможности, чтобы страдания одного человека могли иметь целью спасти других. Но Христос пострадал только для этого. Нам не спрашивать отчета у Бога...”¹⁵

Алданов в метаною не верит, для него это означало бы измену реализму. Шмелев в “Путях небесных”, напротив, злоупотребляет описаниями перемены: Вейденгаммер, Вагаев, Ютов, Кузюмов, – едва ли не все его герои переживают метаною. “Он удачно вел своих героев по первоначальным этапам религиозного пробуждения и просветления. Но надо было когда-то ответить не словами, а художественной правдой жизни на вопросы, превышающие религиозный опыт автора...” И вот тут, пишет А.В.Карташев, Шмелев изнемог, повторилась история многих выдающихся замыслов – не только второй части “Фауста” и “Мертвых душ”, но отчасти и “Братьев Карамазовых”, и “Воскресения”.¹⁶ “Опыт духовного романа” - определил Шмелев жанр “Путей небесных”. Об “Истоках” Алданова Г.Иванов писал: “философия безверия и скептицизма”, “проповедь неверия и отрицания”¹⁷. Шмелев пишет свою “историю русской интеллигенции”, опираясь на традиции антинигилистического романа и тесно с ним связанных романов Толстого и Достоевского. Алданов остается в стороне от этих традиций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

И – Алданов М.А. Истоки // Алданов М.А. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1991. - Т.4.

ПН – Шмелев И. Пути небесные: Избранные произведения. – М.; СПб, 1991.

ⁱ Шмелев И.С. Душа Родины // Шмелев И.С. Неупиваемая чаша: Романы. Повести. Статьи. – М., 1996.- С.666.

ⁱⁱ Ильин И.А. Для русских. Избранное. – Смоленск, 1995. – С.151.

ⁱⁱⁱ Ильин И. Родина и мы // Родина. Русская философия. Православная культура. – М., 1992. –С.41.

-
- ^{iv} Чернышев А. Гуманист, не веривший в прогресс // Алданов М.А. Собр. соч.: в 6 т.- М., 1991. – Т.1. – С.28.
- ^v Об отношении Алданова к Достоевскому см.: Туниманов В.М. Ф.М.Достоевский в художественных произведениях и публицистике М.А.Алданова // Русская литература. – 1996.- №3.– С.78-105.
- ^{vi} Ср.: у Шмелева акушерка-нигилистка “смешная в страшном”.
- ^{vii} О снах, чудесах, видениях, понятии судьбы у Шмелева см.: Schriek W. Ivan Šmelëv: Die religiöse Weltstcht und ihre dichterische Umsetzung. – München, 1987.- S.160-173, 210-221.
- ^{viii} Охотина-Маевская Е. Шмелев и “Пути небесные” // Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. – Мюнхен, 1956. –С.112.
- ^{ix} Адамович Г. Иван Шмелев. “Пути небесные” // Последние новости. – 1937. –13 мая. – С.3.
- ^x Вишняк М.В. “Современные записки”: Воспоминания редактора.- Indiana University Publications Slavic and East European Series, 1957.– С.138.
- ^{xi} См. Адамович Г. Литературные заметки: Ив.Шмелев. “Пути небесные” // Последние новости. – 13 мая 1937. – С.3.
- ^{xii} Есаулов И. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции // Новый мир. – 1992. - № 10. – С.238.
- ¹³ Карпович М. “Истоки” Алданова. – “Речи” В.А.Маклакова // Новый журнал. – 1950. -№24. – С.286.
- ¹⁴ Бахрах А. По памяти, по записям: М.Алданов // Новый журнал. – 1977. - № 126. – С.159.
- ¹⁵ Воспоминания Льва Тихомирова. – М.; Л., 1927. – С.366-367.
- ¹⁶ Карташев А. Певец святой Руси: (Памяти И.С.Шмелева) // Возрождение. – 1950. - № 10. – С.160.
- ¹⁷ Иванов Г. “Истоки” Алданова // Иванов Г. Собр. соч.: в 3 тт. – М., 1994.-Т.3. – С.596.